



Deutsches
Historisches
Institut
Moskau



Райт Т. с оригинала Доу Дж.
Герцог Евгений Вюртембергский
Лондон, 1824

МЕМОУАРЫ

герцога 1812–1828

Евгения Вюртембергского



Москва
2022

УДК 82-94
ББК 63.3(2)521
М49

Издание подготовлено при поддержке
Германского исторического института в Москве (DHI Moskau)

Рецензент: А. Л. Жмодиков (Санкт-Петербург)

Издательская программа Фонда «Связь Эпох»

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ МЕМУАРОВ ЕВГЕНИЯ ВЮРТЕМБЕРГСКОГО 1812–1828

М49 **Мемуары** герцога Евгения Вюртембергского. 1812–1828 / Евгений Вюртембергский ; перевод с немецкого языка Ю. В. Корякова, Д. А. Сдвижкова ; предисловие и комментарии Д. А. Сдвижкова. — Москва : Кучково поле Музеон, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-907589-10-0

Мемуары принца, а затем герцога Евгения Вюртембергского (1787–1857) охватывают бурную эпоху конца XVIII — первой четверти XIX в. «Один из лучших российских генералов того времени» (Доминик Ливен), Евгений пользовался огромной популярностью в войсках.

Второй том мемуаров охватывает период со Смоленского сражения августа 1812 г. до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В качестве командира дивизии, а затем корпуса Евгений был в центре всех решающих сражений войны 1812–1814 гг. Во главе своих полков он первым вступил в победный Париж. В декабре 1825 г. случай привел Евгения в Петербург, где он участвовал на стороне Николая I в событиях на Сенатской площади, в 1828 г. он сражался с турками при осаде Варны.

За исключением переводов фрагментов в дореволюционных исторических журналах, мемуары Евгения едва ли не единственные из воспоминаний военачальников Российской армии периода наполеоновских войн оставались недоступными для русскоязычного читателя. Публикацией настоящего полного перевода в научный оборот вводится ценнейший исторический источник по истории наполеоновской эпохи.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-907589-10-0

© Коряков Ю. В., Сдвижков Д. А.,
перевод с немецкого языка, 2022
© Сдвижков Д. А., предисл., коммент., 2022
© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2022

Вторая часть русского перевода мемуаров Евгения Вюртембергского¹ охватывает последовательность событий с августа 1812 года (битва за Смоленск) до окончания наполеоновских войн, с примыкающими экскурсами о пребывании Евгения в Петербурге во время восстания декабристов в 1825 году и о его участии в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. В немецком оригинале мемуаров это тома II и III^{II}. Текст глав 5–8 следует в основном русскому переводу XIX века с издания 1846 года, сверенному с оригиналом в издании 1862 года^{III}. Остальные главы на русский язык не переводились.

Редакция русского перевода, опубликованного в «Военном журнале» в 1847–1849 годы, помимо стилистической правки и исправления опечаток и ошибок в обеих существующих языковых версиях («правый фланг» вместо «левого», «Подольский полк» вместо «Тобольского» и т. п.) включала в себя восстановление купюр или смысловых замен в переводе, явно сделанных знакомым с военной историей цензором. Так, в описании знаменитой контратаки русских на батарею Раевского при Бородино оригинальный текст Евгения гласил: «Адъютант Баркляя, подполковник Левенштерн, сразу же бросился на редут с батальоном Томского полка; за ними неприятеля атаковали майор Демидов под начальством Ермолова и Кутайсова...»; тогда как в переводе первая часть опущена: «Ермолов, взяв батальон Уфимского полка, тотчас бросился на батарею; Кутайсов повел на нее упомянутую дивизию [Лихачева]...». Таким образом, в противовес канонической версии, приписывающей честь этой контратаки исключительно Ермолову и Кутайсову,

^I Том I см.: *Евгений* 2021.

^{II} *Eugen* 1862, Teil II, III.

^{III} *Eugen* 1846; *Евгений* 1847–1849.

свидетельство Евгения подтверждает роль в ней В. И. Левенштерна. До сих пор об этом было известно исключительно по собственным мемуарам Левенштерна, на чем основывалась и критика его версии. Однако поскольку эта часть мемуаров Евгения написана и напечатана за 12 лет до публикации первого варианта мемуаров Левенштерна (1858), такое стороннее свидетельство резко меняет устоявшуюся картину.

Наряду с этим в настоящем томе было решено опустить фрагменты оригинальных мемуаров в основной части и сносках с пространными цитатами из публикаций других авторов. Они значительно утяжеляют текст Евгения, в то время как с этими публикациями можно ознакомиться отдельно. Таким образом выпущены: 1) цитаты военных историков, прежде всего переводных изданий на немецком и французском языках Д. П. Бутурлина и А. И. Михайловского-Данилевского; 2) пространные сухие цитаты из журнала боевых действий II пехотного корпуса по изданию Георга Вильгельма фон Гофмана, в 1813–1814 годах начальника штаба этого корпуса под командованием Евгения и издателя его мемуаров Он может быть интересен скорее специалистам, при этом доступен в печатной версии¹. Пропуски обозначены квадратными скобками с многоточием. Если не указано иное, примечания принадлежат редактору.

Д. А. Сдвижков

Мемуары герцога Евгения Вюртембергского

1812–1828

¹ *Hofmann* 1830 (на нем. яз.) Ср. также издание дневника II пехотного корпуса на фр. яз. (*Fabry* 1907). Георг Вильгельм фон Гофман (1770–1860) — прусский генерал от инфантерии, с 1810 г. — майор по квартирмейстерской части на русской службе, в 1813–1814 гг. в чине полковника начальник штаба II пехотного корпуса. Здесь и далее опущены пояснения к персоналиям, уже упомянутым в первой части мемуаров Евгения. Не комментируются также персоналии, упомянутые в сносках. Сведения к персоналиям сверены по: *Энциклопедия* 1812.

ГЛАВА 5

(Главы 5–8 повторяют содержание изданных мной в 1846 году мемуаров о 1812 году)¹

Открывшийся утром 17 августа с высот за Петербургским предместьем вид на позиции генерала Дохтурова, занимавшего Рославльское и Мстиславльское предместья по ту сторону Днепра, и на необозримые массы неприятеля, охватывавшие его кольцом, ошеломлял. Войска Дохтурова заняли свои позиции в предместьях, по-видимому, исходя из текущих обстоятельств, и располагались спиной к городской стене, достигавшей местами толщины в 16 футов. Это должно было чрезвычайно затруднить отступление. Однако в самом городе не успели ничего подготовить для размещения артиллерии¹¹, и лишь немногие места в нем годились для обо-

роны пехоты. На то, чтобы занять прикрытый путь¹ перед воротами, по большей части также не было обращено внимание. Это делало ненадежной позицию всей армии из-за угрозы ее левому флангу и главной линии сообщения, а ее положение во всех отношениях — незавидным, что живо чувствовал сам Барклай-де-Толли.

В 8 часов утра завязались частные дела на различных пунктах; русские все еще держались впереди предместий. Наполеон прежде наступления хотел, казалось, выведать их намерения. Только с 2 часов пополудни французские колонны двинулись вперед. С левого фланга Ней пошел на штурм так называемой цитадели, не зная, очевидно, о самой слабой, защищенной только палисадами ее части. Одна из его дивизий была отброшена с уроном, но зато другие две ворвались в Красненское предместье и продвинулись до самого прикрытого пути перед стеной. В центре Даву атаковал силами дивизий Морана¹¹, Фриана¹¹¹ и Гюдена Рославльское и Мстиславское предместья, но встретил ожесточенное сопротивление дивизии генерал-лейтенанта Капцевича^{11V} и смог овладеть этими предместьями не прежде как после двухчасового кровопролитного боя. На правом фланге Понятовский с дивизиями Зайончека^{11V} и Князевича^{11VI} устремился на Николь-

тий, я не мог отвечать за все погрешности (авторские примечания здесь и далее обозначены курсивом).

¹ Позиция за гребнем контрэскарпа, прикрытая бруствером гласиса, для закрытого передвижения войск и часовых вокруг крепости.

¹¹ Шарль Антуан Моран (1771–1835), дивизионный генерал (1805), командующий 1-й пехотной дивизией I армейского корпуса Великой армии.

¹¹¹ Луи Фриан (1758–1829), дивизионный генерал (1799), командующий 2-й пехотной дивизией I армейского корпуса Великой армии.

^{11V} Петр Михайлович Капцевич (1772–1840), генерал-лейтенант, командующий 7-й пехотной дивизией VI пехотного корпуса 1-й Западной армии РИА.

^{11V} Юзеф Зайончек (1752–1826), польский генерал-лейтенант, французский дивизионный генерал, командующий 1-й пехотной дивизией V (Польского) армейского корпуса Великой армии.

^{11VI} Кароль Отто Князевич (Князевич) (1762–1842), польский и французский военачальник, дивизионный генерал (1812), командующий 18-й пехотной дивизией V (Польского) армейского корпуса Великой армии.

¹ Eugen 1846.

¹¹ Из слов Раевского, что 16-го числа введено им было в дело 70 орудий, следует заключить, что он занял ими, сверх так называемой цитадели (Смоленской крепости. — Прим. ред.), по большей части предместья, с чем соглашается и Михайловский-Данилевский. Сражение 17[-го] числа последний описывает не совсем точно, хотя и ссылается на мой дневник. Военный журнал II пехотного корпуса издан фон Гоффманом, нынешним генерал-лейтенантом прусской службы, который был у меня после 1812 года начальником штаба, но в то время состоял еще при IV корпусе. Записи собрал и конфиденциально изложил мой дежурный штаб-офицер. Но поскольку это делалось вскоре после самих собы-

человека. Говоря о подробностях атаки, капитан рассказывал, что 7-й полк под ужасным артиллерийским огнем шел впереди прочих в сомкнутом строю, держа на плечо, и что пехота и артиллерия русских отступила. Потерю французов полагал он весьма значительной, упоминал о вновь выставленных русских батареях и о новой горячей схватке — вероятно, упомянутой выше атаке Коновницына, — во время которой и попал в плен. Конечно, этих показаний недостаточно, чтобы склонить весы истории в пользу сведений одной из сторон. Однако ни один беспристрастный человек не станет оспаривать, что цель Баркляя была достигнута и поле сражения в целом удержано. Если на следующее утро русские отступили, то причина заключалась не в желании спастись после поражения, но в вызываемой обстоятельствами необходимости. Определить в точности потерю с обеих сторон я не могу. Но урон французов, по причине сильного действия русской артиллерии, должен был быть весьма значителен. Нашу потерю Бутурлин полагает в 500¹ убитых и раненых.

Из всего, что уже известно об этом сражении, можно предугадать значение, которое могла бы иметь моя атака из Жуково. Но все мы задним умом крепки, и к этому, полагаю, вместе со мной пришел и Корф. Единственное порицание, которое я позволяю себе в отношении французского командования, состоит в том, что меня совершенно потеряли из виду и что тыл Нея со стороны леса был открыт.

Приведенная мной очень обстоятельная реляция о деле 19 августа не соответствует, правда, лаконизму, с которым я упоминаю прочие события кампании. Но так как о 1812 годе написано уже столько всего, что я не смог бы изобразить более верно, чем мои предшественники, не прибегая к чужим источникам, то я ограничиваюсь обстоятельным изложением лишь того события, которое до тех пор оставалось в своем истинном масштабе вне внимания широкой публики.

ГЛАВА 6

В изложении Сегюра, когда генерал Борелли¹ по поручению Мюрата, доносил о сражении Наполеону, тот с неудовольствием вскричал: «Так вы дали сражение!» 20 августа он объезжал политое кровью поле, был щедр на похвалы и награды, но неприятно поражен из-за своих поредевших батальонов и отступления русских. Все еще колеблясь в дальнейших намерениях, он двинул вслед за неприятелем Мюрата и Даву. Те доносили, что готовые к бою русские стоят у Дорогобужа. Наполеон поспешил сюда ускоренными маршами, но уже не застал нас. По мнению французских писателей, не зная, что предпринять, он отдался, наконец, на произвол судьбы. Кажется, он хотел убедить себя, что самые обстоятельства побуждают его к предпрятию, которое не оправдывалось военными соображениями и противоречило как собственному его убеждению, так и мнению его генералов. Опрометчивость Мюрата воскресила в Наполеоне луч надежды, и если бы для того, чтобы заполучить сражение, потребовалось подставить под удар целый корпус,

¹ Опечатка в немецком тексте. В русском переводе 1848 г. правильно — 5000 (*Бутурлин* 1837. Ч. 1. С. 232).

¹ Шарль Люк Полен Клеман Борелли (1771–1849), заместитель начальника главного штаба кавалерийского корпуса Великой армии.

он бы пожертвовал им ради своих целей. Так рассуждают Сегюр и многие другие, полагающие, что твердо уверенный в себе самом и победоносной армии Наполеон отбросил всякую предусмотрительность и не желал думать ни о какой опасности. Часто добавляют, что крах этого смелого хода наудачу следует приписать лишь случайным неблагоприятным обстоятельствам, а не стойкости и мерам, предпринятым русскими. Русскую армию изображают избегающей боя, а ее верховное командование — лишенным единого мыслительного центра и плана инструментом сил непостижимого Провидения, которое направляло этих неразумных незаметно от них самих. В поисках во всех подобных крайних суждениях истины следует, пожалуй, держаться середины. Мне кажется, Наполеон считал нужным подчинять в себе полководца политику, и оттого, как и в Испании, впал в гибельные для себя ошибки. Впрочем, в положении Наполеона вообще трудно было в каком бы то ни было предприятии оставаться на полдороге.

Что касается русских, могу ручаться за следующее: едва укрепленные позиции Барклай оставлял одну за другой. Желание постоянно противоречило убеждению. Армия категорически требовала сражения. Главнокомандующий готов был, по-видимому, уступить этому общему желанию сражаться тем охотнее, что известное ослабление сил неприятеля показывало зрелость нашего упомянутого выше плана. Но пока мы все еще не отказались от системы медлительности, предписывавшей осторожность. Именно в этом заключались мотивы всех последующих событий. Не было более удобного средства заманить врага в сети.

Итак, мы безостановочно отступали до Царева-Займища, обнаруживая повсюду следы нашей нерешительности, которые, однако, служили новыми приманками для Наполеона. По дисциплине и порядку, с каким совершалось наше отступление, оно должно быть отнесено к числу образцовых. Неприятелю не досталось ни одного отставшего, ни одной амуниционной фуры, ни одной повозки. Нетяжелые переходы не утомляли людей; искус-

но предводительствуемый (особенно Коновницыным) авангард если и имел дела, то незначительные и по большей части успешные.

Генерал Гофман (впоследствии мой начальник штаба) справедливо говорит об этом в своем дневнике 1812 года¹: «Отступление производилось преимущественно под прикрытием эшелонов конной артиллерии, которые на открытых местах поддерживались многочисленной кавалерией, а на пересеченных — легкой пехотой. На каждой позиции артиллерия обстреливала неприятеля до тех пор, пока он не подвозил своей, превосходящей, пока его колонны, несмотря на понесенный урон, не приближались на самое близкое расстояние или пока он не успевал обойти до известной степени расположение русского арьергарда. Тогда артиллерия быстро отъезжала назад и предоставляла повторить те же действия второму эшелону. Через казаков получались точные и своевременные известия о неприятельских обходах. Быстроте движений конной артиллерии способствовали ее подвижность и отличные лошади. Зарядные ящики за оставлением по одному на орудие были отсылаемы обыкновенно в места, безопасные от выстрелов. На предварительно избранной позиции располагались, большей частью, около полудня и держались здесь до ночи».

Желание подчинить историю своим собственным любимым идеям весьма легко приводит к ложным выводам. Следующее место, заимствованное из одного новейшего немецкого сочинения под заглавием «Книга о 1812 годе», ясно показывает, как недостаточно для основательного суждения о событиях одного беглого взгляда очевидца, взгляда, не подкрепленного здравым рассудком. Поясняя некоторые сведения, сообщаемые Клаузевицем, автор говорит²: «Из этих простых очерков даже несведущий в военном ремесле читатель увидит лучше, нежели из специального изложения у Бутурлина и других, тогдашнее положение русских. Он неминуемо

¹ Hofmann 1830. S. 34–35.

² [Benicken] 1844, здесь: Bd. 2. S. 220.

ми России, которые не только не имели места, но не имели и шансов на осуществление.

Что ж, придется утешать себя тем, что Провидение замыслило все именно таким, как оно случилось, и что нужно быть довольным тем, что есть. Нет ничего более пагубного, чем намереваться создать на основе нынешних условий нечто совершенно новое. Лишь условия 1813 года располагали к полному обновлению. Поэтому меня и сегодня не оставляет надежда, что оставленное тогда на полдороге так или иначе — но непременно согласно воле Провидения — будет исполнено и с течением времени приведет к счастью человечества не под грохот орудий, а путем нравственного убеждения и мира.

ГЛАВА 10

Я уже изложил общие принципы, по которым должна была вестись осенняя кампания 1813 года. [...] В мои намерения здесь не входит написание общей истории войны, речь лишь о том, чтобы ясно показать, как в общую картину великих событий вплелись мои собственные впечатления. [...] ¹ [Во время битвы при Дрездене] я командовал правым крылом армии в окрестностях Пирны и подробное описание не относящихся лично ко мне событий отступало бы от принятых здесь целей. Поэтому ограничусь лишь сжатым обзором главных происшествий.

Защитные сооружения Дрездена пребывали до того в упадке, к обороне был подготовлен только Новый город с его люнетами и фортами. Но, опасаясь вступления Австрии в коалицию, Наполеон приказал возвести полевые укрепления и вокруг Старого города, а в качестве второй линии подготовить к обороне садовые изгороди и дома в окрестностях.

25 августа помимо прибывшего уже перед тем авангарда перед Дрезденом появилась часть союзной армии

¹ Далее в переводе опущено приведенное в оригинальном тексте изложение событий 21–25 августа 1813 г. по: *Hofmann* 1838, 109–118.

в количестве 105 тысяч человек. Однако ожидаемый в тот же день штурм города не состоялся — по слухам, в ожидании еще не подошедших войск. Это следует расценивать как серьезную ошибку, которая позволила Наполеону прийти на помощь находящемуся в Дрездене корпусу Сен-Сира.

Во второй половине дня 26 августа начался наконец штурм города союзниками пятью колоннами. Справа, против большого сада, Витгенштейн, у которого после упоминавшегося отделения отрядов оставалось еще около 10–14 тысяч человек. В центре Клейст с 35 тысячами, Коллоредо^I (15 тысяч), Шателер^{II} (10 тысяч) и на крайнем левом фланге Бьянки^{III} (35 тысяч). Итак, еще почти половину армии подждать не стали.

Уже в 9 утра того же дня в Дрезден прибыл сам Наполеон. В результате полученных донесений от Сен-Сира, которые подтвердил высланный императором вперед его ординарец Гурго, первоначально задуманный им для себя план двигаться из Штольпена через Кенигштейн к Пирне Наполеон доверил одному Вандаму^{IV}. Все же остальные имевшиеся в распоряжении силы Наполеон направил на Дрезден, — что и стало причиной неудачи атаки союзников, несмотря на проявленную ими храбрость.

Донесение о продвижении Вандама у Кенигштейна умножило беспокойство кн. Шварценберга. Тем не менее, он решил принять сражение на следующий день, хотя очень значительная часть армии (в том числе австрийский корпус Кленау^V, который должен был поддер-

жать левый фланг) все еще не подошла к Дрездену. Наполеон атаковал именно этот левый фланг союзников. Решающими стали действия кавалерии Мюрата, которой удалось взять в плен 13 тысяч австрийцев. Справа, где русские и пруссаки практически не уступали позиции, а также в центре шансы противников были равны. Тем не менее, уже к обеду было принято решение об отходе, которое после некоторых дебатов начало приводиться ночью в исполнение.

[...] В своем сочинении тогдашний полковник, а ныне генерал от инфантерии Гофман сообщает о событиях на главной дороге в Богемии с умолчаниями и сдержанностью, которых тогда требовал я сам. Но ныне они входят в противоречие с появившимися в печати новыми данными, поэтому я считаю себя вынужденным обнародовать полную и истинную картину происшедшего. Прежде чем перейти к изложению той части грандиозных событий, которая касается меня непосредственно, приведу для истории выдержки из переписки с одним влиятельным генералом армии Блюхера. Надеюсь, с исторической точки зрения это вполне оправданно^I.

1) Моя записка генералу... Цегиста около Пирны, 25 августа 1813 г.

Чем мне извинить свое продолжительное молчание? Чем более требуется обеспечить надежность, тем легче потерпеть неудачу. Любое письмо к Вам, любезный друг, я желал окружить покровом тайны. А в итоге теперь, когда это было бы необходимо более всего, я вынужден воспользоваться полевой почтой. Мне бесконечно многое нужно Вам сказать, но вынужден ограничиться самым малым. 22-го мы — то есть Витгенштейн с I и II русскими корпусами — двинулись по Дрезденской дороге, тогда как остальная часть главной Богемской армии тянется слева от нас по Рудным горам.

^I Граф Иеронимус Карл Коллоредо-Мансфельд (1775–1822), австрийский генерал-фельдцейхмейстер, командующий I корпусом Богемской армии.

^{II} Иоганн Габриэль Шат(е)лер-Курсель (1763–1825), австрийский генерал-фельдцейхмейстер, командующий 1-й резервной дивизией Богемской армии.

^{III} Фридрих Бьянки (1768–1855), австрийский фельдмаршал-лейтенант, командующий пехотной дивизией в составе австрийского резерва Богемской армии.

^{IV} Жозеф Доминик Рене Вандам (1770–1830), дивизионный генерал, в 1813 г. командующий I армейским корпусом Великой армии.

^V Иоганн Йозеф Каетан Кленау (1758–1819), австрийский генерал от кавалерии, командующий IV корпусом Богемской армии.

^I Далее в переводе опущено приведенное в оригинальном тексте изложение событий 27–29 августа 1813 г. по: *Hofmann* 1838, 133–139.

^{II} Поскольку для краткости я привожу здесь из большого объема писем отрывки, касающиеся только военных событий, оставляю адресата анонимным.

У Гисгюбеля мы столкнулись с войсками Сен-Сира, которого я обошел со своим корпусом. После отступления французов Рот с авангардом продвинулся до Пирны, а я до настоящего места. В целом результаты незначительные: как всегда, нет недостатка в добрых намерениях со всех сторон, но отсутствует единство в действиях, а участие кавалерии было неудовлетворительным. Сейчас Сен-Сир занял Дрезден, Витгенштейн последовал за ним, оставив меня здесь с 13 тысяч человек для наблюдения за Кенигштейном из-за опасения переправы неприятеля через Эльбу.

Все, кажется, идет к решающему удару против Дрездена, куда стягиваются массы наших войск. Если Наполеон действительно все еще находится в Силезии против Вас, то Сен-Сиру в Дрездене в одиночку придется нелегко. Сложно понять, зачем Наполеон позволил до такого дойти! Что ему делать в Силезии, где он не пожнет никаких плодов, а Блюхер может вернуться, как только позволит обстановка? Помимо того, наследный принц зайдет ему с тыла, а если император станет расплывать свои силы, он совершит непростительную ошибку.

Я опасаясь, что он может появиться тут как молния и прорваться передо мной, если у него уже не получится сделать это под Дрезденом. Мои же средства чрезвычайно скудны, но надеюсь в этом случае на достаточную поддержку*.

* *Примечание.* Фэн сообщает, что Наполеон действительно имел намерение двигаться из Штольпена через Кенигштейн. Оно подтверждается письмом Наполеона из Герлица от 24 августа 1813 г. герцогу Бассано, где среди прочего говорится: «Я намереваюсь двинуться к Штольпену. Моя армия соединится там завтра (то есть 25 августа). 26-го я останусь на месте, принимая необходимые меры и формируя колонны. 26 ночью мои колонны пройдут Кенигштейн, с рассветом 27-го в лагере у Пирны окажется около 100 тысяч человек. Я овладею Пирной. Понтонные суда будут наготове, при не-

обходимости мы наведем у Пирны два моста. Неприятель, вероятно, выбрал для своей операционной линии дорогу из Петерсвальде в Дрезден, и тогда вся моя соединенная армия окажется против него в тылу. Или его операционная линия — дорога между Коммотау и Лейпцигом, тогда ему придется идти обратно в Коммотау. Осада Дрездена будет снята, тогда как я сам окажусь в Богемии, причем ближе к Праге, чем неприятель» (имеется в виду барон Агатон Жан Франсуа Фэн, личный секретарь Наполеона и автор нескольких сочинений о войне 1812–1814 гг. — *Прим. ред.*).

2) От генерала R. R. (выдержки), Лаубан, 9 сентября 1813 г.

Милостивый государь! Что Ваше Высочество скажете о нашей партии? Если это пока не шах королю, мне кажется, мы уже недалеко от него. Не наша и не Ваша вина, что дело еще не дошло до мата. Повернувшийся к нам спиной Наполеон доставил Вам хлопот под Дрезденом, зато Катцбах, Гросберен и Денневиц, как Вы уже знаете из официальных реляций, принесли величайшие лавры нашим войскам против маршалов императора. В событиях на правом берегу Эльбы все предельно очевидно; так как ни у кого нет намерений скрывать ход вещей, наши донесения во всей их исторической достоверности предстанут на суждение миру*.

* *Примечание.* Внимательно читая новые сочинения (например, «Жизнь Йорка» Дройзена) почти начинаешь сомневаться в этом утверждении. Но по крайней мере личные свидетельства главных действующих лиц достаточно прояснили историческую картину. Я имею в виду прежде всего Йорка и Бюлова, заслуги которых, и личные, и войск под их командованием, признаны всеми. Хотя я уже не раз упоминал, что Йорк ненавидел союзников и отнюдь не являл собой образчик терпеливого подчиненного. Говорил я уже и то, что осуждаю манию русофобии не только потому, что обстоятельства жизни связали меня с русской

Примечание¹

Вышеприведенное сжатое описание дела при Куртепе я хотел бы дополнить позднейшим подробным рассказом:

После неприятностей под Шумлой, в том числе массового падежа лошадей в кавалерии из-за недостатка фуража, у нас появился наконец шанс на успех. Прибытие нашего гвардейского корпуса доставило средства для осады Варны. Тогда для ее деблокирования турки выдвинули за Камчик войска с Балкан, численность которых визирь Румелии постепенно довел до 20 тысяч человек. Эта небольшая армия двинулась под командованием Омера Вриони^{II} к Гаджи-Гасан-Лару; с российской стороны еще ранее морем генерал Головин был выслан занять Галата-Бурну для прикрытия осаждающих войск с южной стороны против неприятеля, который представлялся русским гораздо более слабым.

Но после того как у Шумлы мы получили более точные сведения о движении неприятеля, я немедленно предложил фельдмаршалу графу Витгенштейну направить меня во главе всей 19-й дивизии через Девно в тыл приближающемуся неприятелю. По пути я собирался присоединить к себе в Ени-Базаре 36-й егерский полк, в Девно 20-й егерский и Кременчугский полки, в Провадии бригаду кн. Мадатова^{III}, составлявшую тамошний гарнизон, которую легко можно было сменить из Шумлы. В то же время я предлагал просить императора, который уже прибыл к Варне на корабле «Париж», послать ко мне через Гебеджи часть стоявшей без дела перед крепостью гвардейской кавалерии.

Фельдмаршал немедленно согласился: для нападения на неприятеля с тыла я мог располагать в этом случае 22 батальонами и 14–16 эскадронами, а так-

же внушительным количеством артиллерии. Но либо это предложение не было достаточно обосновано при пересылке в главную квартиру, либо его не одобрили уже в ней самой; так или иначе, ответ из нее гласил, что сил у Варны достаточно, а неприятель наступает из Камчика лишь слабыми силами (якобы не более 2 тысяч человек). Вместо всей 19-й дивизии за местностью между Камчиком и Варной было поручено наблюдать по очереди Украинскому и Одесскому полкам наряду с уже размещенными у Девно войсками. Вскоре чрезвычайно неудачная рекогносцировка из Галата-Бурну имела следствием совершенный разгром лейб-егерского полка при Гаджи-Гасан-Ларе. Одновременно граф Витгенштейн доносил о том, что из Шумлы выступили 14 тысяч турок, которые вскоре соединятся у Гаджи-Гасан-Лара с Омером Вриони. С Камчика на Бургасскую дорогу выдвинулась также турецкая кавалерия численностью в 4000 сабель и примерно столько же пехоты с тяжелой артиллерией. Визирь и еще 2000 человек оставались по ту сторону Камчика в лагере при Дервиш-янларе. Надо заметить, что некоторые из этих сведений стали известны лишь позднее, но тут я привожу их для простоты сразу.

С русской стороны наряду с некоторыми подкреплениями в Галата-Бурну командование там получил Бистром, а Омер Вриони занял перед ним лагерь у Куртепе. Только теперь Витгенштейн получил наконец распоряжение, что если он сочтет это удобным, то может послать остальную часть 19-й дивизии в Девно. Но теперь уже Витгенштейн считал, что не сможет обойтись без 3-й бригады этой дивизии (37-й и 38-й егерские полки), поскольку ему было предписано остаться на ближних позициях перед Шумлой, тогда как, намереваясь отослать меня первоначально, он рассчитывал, что эти позиции будут оставлены. Поэтому он приказал мне двигаться на Девно лишь со слабой 1-й бригадой 19-й дивизии (Азовский и Днепровский пехотные полки) и 12 орудиями под командованием генерал-майора

¹ Изложение частично пересекается с: *Евгений* 1880.

^{II} Омер-паша Вриони (1789–1836), османский военачальник, во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. командующий корпусом.

^{III} Валериан Григорьевич Мадатов (Мадатян) (1782–1829), генерал-лейтенант, командующий бригадой, затем 3-й гусарской дивизией РИА.

Дурново¹, приняв уже размещенные там войска. Я немедленно выступил, послав своего адъютанта Молостова в императорскую главную квартиру с просьбой об указаниях.

Ныне мне представляется, что решение Витгенштейна пришлось очень не по нраву Дибичу, поскольку уже до того императорский генерал-адъютант^{II} был послан с 10 эскадронами гвардейской кавалерии через Гебеджи в Гаджи-Гасан-Лар с приказанием присоединить к ним Украинский, Одесский и 20-й егерский полки. Однако поскольку я уже выступил, Дибич не мог воспрепятствовать мне получить общее командование, и уже в Девно мне поступило указание как можно скорее атаковать неприятеля. Одновременно с этим 28-го числа я получил рапорт генерал-адъютанта с упоминанием успеха в Гаджи-Гасан-Ларе — который, однако, ограничивался лишь тем, что из местечка были выбиты рабочие, строившие укрепление, и взяты в плен нестроевые. Тогда как днем ранее, как я узнал, упомянутые выше массы турок, двигаясь с Камчика, столкнулись в кустарнике между Девно и Акенджи с 30-м егерским полком. Тот лишь с трудом смог пробиться к своему месту назначения, в то время как вся турецкая масса свернула на дорогу от Бургаса к Варне.

Прибыв 28-го вечером после изнуряющего марша с бригадой Дурново в Акенджи, я узнал, что генерал-адъютант на рекогносцировке неприятеля с бригадой Делингаузена^{III} и не может встретиться со мной ранее двух часов ночи. Когда он действительно появился в это время, я выразил свои сомнения в возможности неподготовленной атаки неприятеля нашими скромными силами, тем более, не составив себе никакого представления о силе турок. Судя по поступившим за-

пискам, к неприятелю давно уже должны были присоединиться подкрепления из Шумлы и с Камчика, и по всем расчетам его численность никак не могла составлять менее 42 тысяч человек. Однако генерал-адъютант остался при своем мнении, что турецкий корпус не превышает 6 тысяч, и упомянул затем о прямом указании императора, назначившего нашу совместную с Бистромом атаку на сегодня, то есть 29 сентября. Относительно подготовки он заявил, что все распоряжения отданы и основаны на его рекогносцировке. При этих обстоятельствах мне не оставалось ничего иного кроме как прислушаться к его заверениям. Я немедленно уведомил императора, что, основываясь на этих заверениях, в течение 29-го числа атакую турок, но прошу немедленно напрямую подчинить мне Бистрома.

Уже ранним утром весь объединенный корпус стоял наготове в Гаджи-Гасан-Ларе. Я был, однако, ошарашен, когда мой начальник Генерального штаба (генерал Нагель^I) таинственно прошептал мне, что тут «пахнет предательством» и чтобы Бога ради перед тем, как решиться на какую-либо операцию, я сначала выслушал генерала Делингаузена и командующего аванпостами полковника Бартоломея^{II}. Последний заявил первым делом, что вчера со стороны турецкого лагеря, обращенного к Варне, была предпринята массивная атака на Бистрома и весь день шло энергичное сражение, тогда как с обращенной к нам стороны не было ни малейшего движения. Ночью к туркам подошли подкрепления в 8 тысяч человек, из них 4 тысячи кавалерии, которые расположились вне лагеря.

Генерал Делингаузен дезавуировал результаты вчерашней рекогносцировки. Он утверждал — и это затем совершенно подтвердилось, — что помимо главных дорог местность совершенно не приспособлена для применения масс войск и артиллерии. Предста-

^I Николай Дмитриевич Дурново (1792–1828), генерал-майор, в 1828 г. командующий 2-й бригадой 19-й пехотной дивизии РИА.

^{II} И. О. Сухозанет.

^{III} Барон Иван Федорович Дел(л)ин(с)гаузен (1795–1845), генерал-майор, осенью 1828 г. командующий авангардом в корпусе Евгения Вюртембергского.

^I Павел Илларионович Нагель (?–1829), генерал-лейтенант, командующий 10-й пехотной дивизией РИА.

^{II} Вероятно, Федор Федорович (Фридрих фон) Бартоломей 2-й (1800–1862), полковник РИА.

**Мемуары герцога
Евгения Вюртембергского
1812–1828**

Перевод Ю. В. Корякова, Д. А. Сдвижкова

Редактор: *Александра Громыхина*

Дизайн-макет: *Марина Миллер*

Верстка: *Борис Кащеев*

Корректор: *Татьяна Ширма*

Допечатная подготовка: *Марина Рогова*


ООО «Кучково поле Музеон»

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 25, оф. 5-2

Редакционный отдел: +7 (999) 917-11-04

Отдел реализации: +7 (977) 331-71-10

E-mail: kpolemuzeon@gmail.ru, sales@svyazepoh.ru

 <https://vk.com/kuchkovopolemuzeon>

Фонд «Связь Эпох»

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 25, помещ. 5-1

E-mail: fond@svyazepoh.ru

<https://svyazepoh.ru/>

Подписано в печать 11.11.2022

Формат 84 × 108/32 (125 × 200 мм)

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 900 экз.

Заказ № 2662

ISBN 978-5-907589-10-0

Отпечатано в ООО «Типография „Возрождение“»

117105, г. Москва, Варшавское ш., д. 37А, стр. 2